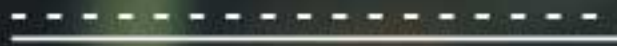

Imm

Эмили Бронте
Грозовой Перевал

«ИП Стрельбицкий»

Бронте Э.

Грозовой Перевал / Э. Бронте — «ИП Стрельбицкий»,

ISBN 978-5-04-017037-1

«Грозовой перевал» Эмили Бронте — главная романтическая книга всех времен. Действие романа происходит на вересковых пустошах Йоркшира, которые благодаря этому роману стали популярным местом в Англии среди туристов. История роковой любви Хитклифа, приемного сына владельца поместья «Грозовой Перевал», к дочери хозяина Кэтрин вот уже второе столетие подряд волнует миллионы читательниц по всему миру. Эмили Бронте - английская поэтесса и писательница, из под пера которой вышел всего один роман - «Грозовой перевал», который и принес ей мировую славу.

ISBN 978-5-04-017037-1

© Бронте Э.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	16
Глава IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эмили Бронте ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ

Глава I

1801. – Я только что вернулся после визита к хозяину поместья, у которого арендовал жилье. В близлежащей округе это мой единственный сосед. Безо всякого сомнения, здесь райское местечко! Вряд ли во всей Англии можно отыскать подобный уголок, настолько удаленный от суеты общества. Просто рай для людей, предпочитающих уединенный образ жизни, таких как я и мой сосед. Думаю, что в этом смысле мы идеально подходим друг другу. Кроме того, он еще и замечательный человек! Впервые мы встретились, когда я подъехал к воротам его поместья верхом на коне, а он вышел меня встречать. Он смотрел на меня исподлобья, и во взгляде его черных глаз сквозила подозрительность. А когда я представился, он как-то пренебрежительно и очень решительно еще глубже засунул пальцы за свой жилет. Мое же сердце воспылало к нему симпатией, о которой он даже и не догадывался.

– Мистер Хитклиф? – спросил я.

В ответ он молча кивнул.

– Честь имею представиться, сер. Мистер Локвуд, Ваш новый квартиросъемщик. Я прибыл только что, и спешу выразить надежду, что не причиняю Вам неудобств своей настоятельной просьбой поселиться на время в Трашкросс Грендже. Я слышал давеча, что у Вас были определенные сомнения.

– Трашкросс Грендж принадлежит только мне! – перебил он недовольно. – Я не позволю, чтобы кто-то причинял мне неудобства без моего на то позволения! Проходите!

Слово «проходите» он произнес сквозь зубы, и прозвучало это как «Идите к черту!». И эта фраза, и практически закрытые ворота ясно давали понять: он не слишком рад моему визиту. Однако именно это обстоятельство и побудило меня принять его приглашение: я почувствовал интерес к человеку, который показался мне еще более замкнутым, чем я сам.

Когда он заметил, как моя лошадь достаточно активно напирала на ворота, он таки протянул руку и открыл ворота, а затем с угрюмым видом пошел передо мной по мощеной дорожке. Когда мы зашли во двор, он сказал: «Джозеф, прими лошадь мистера Локвуда и принеси нам немного вина».

– Пожалуй, это и есть вся прислуга, – подумал я, когда услышал такое двойное распоряжение. – Не удивительно, что между плит газона растет трава, а скот – единственный, кто подстригает живую изгородь.

Джозеф был пожилым, хотя нет, скорее старым, даже очень старым мужчиной, но, несмотря на это, крепким и мускулистым.

– Помогите нам Всевышний! – пробормотал он себе под нос с оттенком раздражительного недовольства, помогая мне в это время с моим конем. Он смотрел мне в лицо так угрюмо, что я снисходительно предположил, что это он нуждается в божественной помощи для усваивания своего обеда, и его обращение к Богу не имеет никакого отношения к моему неожиданному прибытию.

Обитель мистера Хитклифа именовалась Грозовой Перевал. Такое название в полной мере передает особенности погодных условий, которые царят в этой местности, открытой бушующей непогоде. Яростные пронизывающие ветра дуют там постоянно. О невероятной силе порывов северного ветра красноречиво свидетельствовали немногочисленные чахлые пихты в конце дома, наклоненные практически до земли, и ряды изможденного терновника, простирающего свои ветви в одну сторону – к солнцу, словно выпрашивая у него милости.

К счастью, архитектор предусмотрительно спроектировал дом очень крепким: узкие окна утоплены в стены, а углы защищены большими выступающими камнями.

Прежде чем переступить порог жилища, я замедлил шаг, чтобы восхититься избытком гротескной резьбы по дереву на фронтальной части дома, а особенно вокруг центральной двери. Над ней, среди огромного количества рассыпающихся от времени грифонов и фигурок бесстыжих маленьких мальчиков, я обнаружил цифру «1500» и имя «Хертон Ирншоу». Я хотел было сделать несколько коротких замечаний и запросить короткую историческую справку по поводу этого места у его угрюмого владельца, фигура которого виднелась в дверях, но он потребовал, чтобы я или поспешил войти, или вовсе ушел. А у меня и в мыслях не было даже ненароком огорчить его прежде, чем я осмотрю дом изнутри.

Мы сразу же очутились в фамильной гостиной: никаких коридоров или других проходов. Здесь это и называют собственно «дом». Как правило, он состоит из кухни и общей комнаты. Однако я предположил, что кухня Грозового Перевала по какой-то причине располагается совершенно в другой части жилища, по крайней мере, я уловил чью-то болтовню и грохот кухонной утвари где-то в глубине дома. Также я не увидел никаких признаков того, чтобы что-то жарили, варили или пекли в огромном очаге, никаких начищенных медных кастрюль и жестяных дуршлагов на стенах. Хотя в одном месте действительно сияли словно жар целые горы жестяной посуды, перемежающейся с оловянными кувшинами и чашками; они возвышались ряд за рядом на огромных дубовых полках кухонного шкафа, достигающего до потолка. Этот шкаф никогда не переделывали, его неприхотливая простота не притягивала к себе любознательных взглядов, за исключением деревянного каркаса, заваленного овсяными лепешками и вялеными говяжьими, бараньими и свиными ногами. Сверху над камином размещались старые уродливые ружья и пара кавалерийских пистолетов, а вдоль всей полки, в качестве украшения, стояли три безвкусно расписанных короба. Пол был выложен ровным белым камнем; кресла примитивной конструкции с высокими спинками были окрашены в зеленый цвет, одно или два из них тяжеловесно чернели в полумраке. Под сводом кухонного шкафа для посуды лежала огромная коричнево-рыжая сука легавой, окруженная кучей повизгивающих щенков. В других нишах отдыхали другие собаки.

Комнаты и внутренняя обстановка не представляли бы из себя ничего необычного, если бы служили непритязательным жильем для северного фермера. Обычно это человек с выражением упрямого спокойствия на лице и крепкими лодыжками, виднеющимися между бриджами и гетрами. Таких личностей, которые одиноко сидят, опершись на подлокотники своего кресла и уставившись на пышную пену в кружке пива, стоящей перед ними на столе, можно встретить в любой округе в радиусе пяти-шести миль вокруг этих холмов, соответственно посетив их после обеда. Однако мистер Хитклиф представлял собой своеобразный контраст между местом, в котором он жил, и образом его жизни. С виду это был темнокожий цыган, с манерами и в одежде джентльмена. То есть он был в той же мере джентльмен, как и большинство городских сквайров: в меру ленивый, возможно, несколько невнимательный к своей внешности, но не кажущийся неряшливым и неаккуратным, потому что сохранил свою статью и прямую осанку; а еще немного угрюмый. Полагаю, что некоторые люди не доверяют ему из-за его чрезмерной заносчивости. Однако по моему внутреннему ощущению, то, что о нем говорят, несколько не соответствует его характеру: я знаю (скорее интуитивно), что его замкнутость обусловлена его отвращением к показной демонстративности и выставлением напоказ взаимной привязанности. Он любит и ненавидит, скрывая свои чувства от посторонних, и воспримет как дерзость проявление на людях любви или ненависти к нему самому. Хотя, возможно, я слишком тороплюсь, приписывая ему свои собственные качества. У мистера Хитклифа могут быть свои, совершенно отличные от моих, аргументы, чтобы не раскрывать своих объятий тому, с кем он заводит знакомство. Позвольте мне надеяться, что моя душевная организация является совершенно уникальной. Моя дорогая мама

говорила мне, что у меня никогда не будет уютного дома, а не далее как прошлым летом я доказал сам себе, что и впрямь не заслуживаю его.

Когда я в течение целого месяца наслаждался хорошей погодой на берегу моря, то находился там в компании самого обворожительного из всех созданий. В моих глазах она была настоящей богиней, ровно до тех пор, пока не обратила на меня внимания. Я никогда раньше не произносил слов любви. Тем не менее, если безмолвный язык любви существует, то даже самый невнимательный человек мог бы увидеть, что я влюблен в нее по уши. Она догадалась об этом последней, и решила ответить мне – самыми сладкими из всех воображаемых взглядов. И что же я сделал? Вынужден, к своему стыду, признаться, что я ушел в себя, словно улитка, а от каждого сияющего взгляда закрывался и отдалялся все больше, пока несчастная наивная девушка окончательно не усомнилась в своих чувствах, посчитав их ошибочными. Совершенно потрясенная, запутавшаяся во всем окончательно, она уговорила свою маменьку покинуть лагерь. Из-за этого нелепого случая я приобрел репутацию циничного мучителя сердец, что было абсолютно незаслуженно, но об этом знал лишь только я.

Я присел на краешек каменной плиты под очагом напротив того места, которое облюбовал для себя мой домовладелец, и решил заполнить молчаливую паузу попыткой приласкать суку. Та оставила своих щенков и стала хищнически подкрадываться сзади к моей ляжке. Ее губа приподнялась, а белые зубы покрылись слюной, готовые в любой момент вонзиться в мою ногу. Мои ответные ласки вызывали лишь протяжное рычание.

– Вы бы лучше оставили собаку в покое, – проворчал мистер Хитклиф и топнул ногой, упреждая более агрессивное поведение. – Она к нежностям не приучена, мы не держим ее в качестве домашнего любимца. – Затем, широко ступая по направлению к боковой двери, он еще раз позвал: «Джозеф!»

Джозеф невнятно пробормотал что-то из глубины подвала, но в этих звуках не было даже и намек на то, что он поднимется наверх, так что его хозяин спустился к нему вниз. В результате я остался один на один с непредсказуемой сукой и парой зловещих мохнатых волкодавов, которые вместе с ней ревностно следили за всеми моими движениями. Не особо желая познакомиться с их клыками, я до определенного момента сидел неподвижно. Однако, решив, что они вряд ли понимают молчаливые оскорбления, я, к своему несчастью, разрешил себе подмигивать и корчить рожи этому трио. Однако некоторые мои гримасы так раздражили суку, что та внезапно, словно бешенная, принялась яростно скакать мне на колени. Я резко отпрянул назад и поспешил выставить между нами стол. Такое поведение расшевелило всю стаю. С полдюжины четвероногих демонов, разного размера и возраста, покинули свои невидимые логова и выступили на середину комнаты. Я почувствовал, как мои каблук и подол пальто превратились в необычные объекты для нападения, и отражал атаки других, более крупных нападающих, с помощью кочерги, делая это как можно более воинственно и результативно. Я был вынужден просить о помощи, и громко призывал хоть кого-нибудь из числа домочадцев, чтобы, наконец, воцарился прежний порядок.

Мистер Хитклиф и его слуга поднялись из винного погреба с невозмутимым хладнокровием. Я не думаю, что они вернулись бы хоть на секунду быстрее, несмотря на то, что все пространство вокруг очага невообразимо кишело и визжало. К счастью, обитатели кухни быстро утихомирились: крепкая дама с раскрасневшимся лицом и подоткнутым подолом ринулась в самую гущу событий, практически с голыми руками. Она размахивала сковородой, которую использовала в качестве боевого оружия, и орала, да так ловко, что заварушка тотчас стихла самым магическим образом. Она так и оставалась стоять на своем месте, когда ее хозяин появился в центре событий; и только грудь ее вздымалась, словно морские волны во время шторма.

– В чем, черт подери, дело?! – спросил мистер Хитклиф, бросая на меня пристальный взгляд. Однако я не собирался его долго терпеть, принимая во внимание столь недоброжелательное обхождение со мной.

– Действительно, что за чертовщина! – невнятно пробормотал я. – Целое стадо очумелых свиней менее одержимы, чем Ваши звери, сэр. Это равносильно тому, как если бы Вы оставили незнакомого человека одного среди целой стаи тигров.

– Они не трогают человека, который не трогает их, – заметил он. Он поставил передо мной бутылку и водворил передвинутый мною стол на место. – Для собак естественно быть начеку. Желаете рюмочку вина?

– Нет, спасибо.

– Вас не покусали?

– Если бы такая угроза возникла, я бы остановил нападающего своим четким ударом. Лицо Хитклифа расплылось в улыбке.

– Ладно, ладно, – сказал он. – Вы слишком напряжены, мистер Локвуд. Вот, выпейте немного вина. – Гости в этом доме бывают чрезвычайно редко, так что, вынужден признать, и я, и мои собаки едва ли знаем, как их следует принимать правильно. Ваше здоровье, сэр.

Я поклонился и произнес ответный тост. До меня постепенно доходило, что было бессмысленно вот так сидеть и обижаться на скверное поведение своры шавок; к тому же я не собирался впредь доставлять удовольствие другим за свой счет. Постепенно настроение владельца дома стало меняться. Очевидно, он мудро решил, что гораздо благоразумнее не обижать выгодного квартиросъемщика. Поэтому он перестал коверкать слова и завел разговор о том, что, по его мнению, могло представлять для меня интерес: завел беседу о плюсах и минусах того места, которое я избрал для своего уединения. Я нашел его весьма сведущим в затронутой теме, и настолько воодушевился, что перед уходом объявил о своем завтрашнем (отнюдь не обязательном) визите. Судя по всему, он бы предпочел избежать моего повторного вторжения в свои владения, однако, несмотря ни на что, я все-таки приду. Это просто удивительно, каким общительным чувствовал я себя по сравнению с ним.

Глава II

Вчера с обеда установился туман и похолодало. Я стал уже было подумывать о том, чтобы провести остаток дня в своем кабинете у камина, чем тащиться на Грозовой Перевал через всю пустошь по грязи. Приближалось время обеда (кстати, я обедаю между двенадцатью и часом дня). Дело в том, что домработница, почтенная женщина, приписанная к арендованному мною жилищу, не могла (а может, не хотела) удовлетворить мою просьбу подавать мне обед к пяти часам. Я уже поднялся по лестнице и заходил в свою комнату, обдумывая свое неотчетливое намерение, когда увидел молодую служанку, стоящую на коленях перед камином. Вокруг была разбросана куча щеток, стояло ведро для угля, а из камина вырывались дьявольские клубы дыма, в то время как служанка пыталась затушить в огонь в камине, засыпая его пеплом. Эта картина заставила меня тут же повернуть назад. Я схватил свою шляпу и вышел из дома. Пройдя мили четыре, я уже был возле ворот сада Хитклифа. В это самое время с неба стали падать первые невесомые хлопья снега.

На этом, лишенном растительности и продуваемом всеми ветрами холме, земля была твердой и черной от холода и отсутствия снега, а ледящий воздух пробирал аж до дрожи во всем теле. Будучи не в силах справиться с замком на воротах, я перепрыгнул через ограду и взбежал по мощеной дорожке, засаженной по краям кустами крыжовника, и постучался в двери. Однако тщетно. Я колотил в двери, прося впустить меня, до тех пор, пока не начали дрожать мои щиколотки, а собаки протяжно не завывали.

– Что за ужасные обитатели! – мысленно воскликнул я. – Они заслуживают того, чтобы их навсегда изолировали от общества себе подобных за такое жуткое негостеприимство. Я бы, по крайней мере, не стал держать двери на замке в дневное время. Хотя сейчас меня это мало волнует: я все равно попаду внутрь! Со всей решительностью я схватился за щеколду и стал трясти ее со всей силой. Джозеф с кислым выражением лица высунул свою голову из круглого окна сарая.

– Ну чего Вам? – гаркнул он. – Хозяин не может выйти к Вам. Обойдите вокруг дома и пройдите на задний двор, если Вам так надо поговорить с ним.

– Может ли кто-то изнутри открыть мне двери? – закричал я так громко, чтобы меня могли услышать и откликнуться на мою просьбу.

– Там никого нет, только миссис, но она Вам не откроет, как бы настойчиво Вы ни шумели, пусть бы и до самой ночи.

– Почему? Не могли бы Вы сказать ей, кто я, а, Джозеф?

– Нет, нет, даже не просите, – проворчала голова и скрылась.

Снег повалил густыми хлопьями. Я уже было схватился за щеколду, чтобы предпринять повторную попытку, когда молодой человек без верхней одежды и с вилами на плече появился со стороны заднего двора. Он окликнул меня и пригласил следовать за ним. Минув прачечную, мощеную площадку с сараем для угля, помпу и голубятню, мы, наконец, очутились в просторной, светлой, теплой комнате, в которой меня принимали во время моего предыдущего визита. От камина, растопленного углем, торфом и дровами, вокруг исходило чудесное сияние. Возле стола, богато накрытого для вечерней трапезы, я, к своему удовольствию, увидел «миссис», о существовании которой я до этого и не подозревал. Я поклонился и стал ждать, думая, что она предложит мне сесть. Она глянула на меня, откинувшись на спинку своего кресла, и продолжала оставаться на своем месте, не двигаясь и не произнося ни звука.

– Отвратительная погода! – заметил я. – Я переживал, миссис Хитклиф, чтобы Ваши двери устояли под моим напором, пока я чрезвычайно долго ждал слуг: мне пришлось хорошенько потрудиться, чтобы они меня услышали.

Она не проронила ни слова. Я пристально смотрел на нее, а она на меня. Во всяком случае, она не сводила с меня своего невозмутимого взгляда, игнорируя все нормы приличия, отчего я почувствовал себя очень неловко и даже смутился.

– Садитесь! – хрипло сказал молодой человек. – Хозяин скоро придет.

Я повиновался и сел, ноги меня плохо держали. Я окликнул проказницу Джуну, с которой мы встретились уже во второй раз. Легавая сука чуть заметно вильнула хвостом, соизволив таким образом подтвердить наше с нею знакомство.

– Красивая собака, – решил я продолжить разговор, заходя с другой стороны. – Вы собираетесь раздавать щенков, мадам?

– Они не мои, – ответила любезная хозяйка, причем настолько отталкивающе, как это не удалось бы и самому мистеру Хитклифу.

– А-а-а, Ваши любимцы, очевидно, находятся там! – продолжал я, оборотившись в сторону угла, из которого смутно проглядывали очертания диванных подушек, отдаленно напоминающие котов.

– Странный выбор для любимцев, – сказала она, смерив меня презрительным взглядом.

К моему ужасу, это была целая грудка мертвых кроликов. У меня опять подкосились ноги, и я подвинулся к камину, повторяя свое замечание по поводу неудачного вечера.

– Вы не должны были приходить, – сказала она, поднимаясь и пытаясь дотянуться до пары расписных коробов, стоящих над камином.

До этого она сидела в плохо освещенном месте, теперь же я отчетливо мог разглядеть и ее фигуру целиком, и выражение ее лица. Она была очень стройной, по-видимому, она только недавно вышла из своего подросткового возраста. Никогда ранее я не имел удовольствия созерцать столь превосходные формы и столь милое небольшое личико с утонченными чертами лица. Ее чрезвычайно светлые, белокурые локоны, вернее сказать, золотистые, свободно ниспадали вокруг ее шеи, а глаза, если бы они имели приятное выражение, были бы просто неотразимы. К счастью для моего впечатлительного сердца, единственное чувство, которое они выражали, располагалось где-то между пренебрежением и отчаянием, встретить которые здесь было странно. Коробы располагались достаточно высоко, и она не могла до них дотянуться, но когда я подался, чтобы помочь ей, она повернулась ко мне с таким выражением лица, с каким повернулся бы скряга, если бы кто-нибудь попытался помочь ему пересчитать его золото.

– Я не нуждаюсь в Вашей помощи! – огрызнулась она. – Я могу достать их и сама.

– Прошу простить меня, – поспешил ответить я.

– Вас приглашали на чай? – строго спросила она, повязывая передник поверх своего изящного черного платья. Она набрала в ложку заварку и поднесла ее к кружке.

– Я бы с удовольствием выпил чашку чая, – ответил я.

– Вас приглашали? – повторила она вопрос.

– Нет, – сказал я с полуулыбкой. – Но Вы, как радушная хозяйка, можете это сделать.

Она высыпала заварку обратно в короб, положила ложку на место, и вернулась в свое кресло в скверном расположении духа. Ее лоб нахмурился, а алая нижняя губа выдвинулась вперед, как у ребенка, готового расплакаться.

Тем временем молодой человек, скинув чрезвычайно обтрепанную верхнюю одежду, подошел к огню и презрительно посмотрел на меня краем глаза так, как если бы между нами пролегла смертельная вражда размером с целый мир. Я начал сомневаться, был он слугой или нет. Его одежда и речь были одинаково грубы и полностью лишены благородства, присущего мистеру Хитклифу и миссис Хитклиф. Его густые каштановые локоны были растрепаны, бакенбарды бесформенно разрослись по щекам, а кожа на руках имела коричневатый оттенок, как это обычно бывает у чернорабочих. Тем не менее, он держался свободно, чуть ли не высокомерно, и в его поведении не было даже намека на услужливое усердие по отно-

шению к хозяйке дома. За неимением более полных доказательств его положения, я посчитал за лучшее воздержаться от замечаний по поводу его странного поведения. Пятью минутами позже появился мистер Хитклиф и облегчил мое, в некотором роде, неловкое положение.

– Как видите, сер, я пришел, а следовательно, сдержал свое обещание, – воскликнул я с напускной веселостью. – Я уже стал опасаться, что погода во второй половине дня сильно переменится, и мне придется просить Вас приютить меня у себя на некоторое время.

– На некоторое время? – сказал он, отряхивая белые хлопья со своей одежды. – Я удивлен, что Вы решились поехать ко мне в самый разгар снежной бури. А Вы знаете, что избежали риска погибнуть на болотах? Даже люди, хорошо знающие эти места, часто сбивались с пути при таких обстоятельствах. Могу Вам сообщить, что Вы можете даже не рассчитывать на то, что погода переменится в ближайшее время.

– Пожалуй, я мог бы добраться до своего дома под руководством кого-то из Ваших провожатых, а он мог бы потом остаться в Трашкросс Грендже. Может, Вы бы могли мне дать кого-то из Ваших слуг, кто не очень занят?

– Нет, не мог бы.

– Нет, правда? Ну, раз так, то я просто вынужден полагаться на собственную прозорливость.

– Ну-ну!

– Ты собираешься готовить чай? – повелительно спросил Хитклиф у хозяина потрепанного кафтана, который попеременно бросал свой жуткий взгляд то на меня, то на молодую госпожу.

– Он тоже сядет с нами? – спросила она просительно у Хитклифа.

– В конце концов, подавайте же чай! – прозвучало в ответ, да так гневно, что я вздрогнул. В тоне, которым были произнесены эти слова, звучала нескрываемая злоба. Я уже не был уверен в том, что мог бы и в дальнейшем называть Хитклифа замечательным человеком. Когда все приготовления были завершены, он пригласил меня:

– А сейчас, сер, подвигайте поближе свое кресло, – и все мы, включая странного молодого человека, расселись вокруг стола. Абсолютное молчание сопровождало нашу трапезу на всем ее протяжении.

Я полагал, что если уж это я вызвал такое мрачное настроение, то моим долгом было развеять его, и таким образом исправить свою ошибку. Ведь не могли же они, в самом деле, каждый день вот так угрюмо молча сидеть за столом. Представить, что они постоянно пребывали в мрачном расположении духа и ходили с угрюмыми лицами, было решительно невозможно.

– Это просто удивительно, – начал я, выпив одну чашку чая и ожидая вторую, – просто удивительно, как так случилось, что Ваш образ жизни стал именно таким, каким он есть сейчас. Ведь много кто даже представить себе не может, что возможно счастливо жить в таком абсолютном уединении и отдалении от мира, в котором живете Вы, мистер Хитклиф. Более того, осмелюсь утверждать, что в окружении Вашей семьи, в присутствии Вашей любезной хозяйки дома, которая гениально хозяйничает и в Вашем доме, и в Вашем сердце...

– Моей любезной хозяйки дома... – прервал он меня с почти что дьявольской ухмылкой на лице. – Где она, моя любезная хозяйка дома?

– Я имел в виду Вашу жену, мистер Хитклиф.

– Ну да, Вы наверное хотели сказать, что ее душа помогает ангелам заботиться о Грозном Перевале ровно с того момента, как душа покинула ее тело, и она умерла? Вы это хотели сказать?

Осознав, что допустил непростительную оплошность, я попытался ее исправить. Действительно, большая разница в возрасте не позволяла предположить, что они могут быть мужем и женой. Ему было около сорока – период расцвета умственных возможностей. В

этом возрасте мужчина редко обманывает себя надеждами на то, что молодая девушка может выйти за него замуж по любви. Эти мечты он оставляет себе для преклонного возраста. Ей же на вид не было и семнадцати.

В тот момент меня осенило: неотесанный парень подле моего локтя, который хлебал свой чай словно из таза и ел хлеб немытыми руками, может быть ее мужем! Хитклиф-младший, ну конечно! Она живет так, словно похоронила себя заживо. Она полностью отреклась от себя, выйдя замуж за такого неотесанного мужлана, даже не представляя, что на свете существуют другие мужчины, более достойные ее! Печальная история! Я должен быть внимательным, чтобы ненароком не причинить ей боль от раскаяния в своем выборе. Это последнее умозаключение может показаться чересчур самоуверенным, но это не так. Мой сосед поразил меня как человек в высшей мере омерзительный; в то же время, благодаря своему жизненному опыту, я знал, что являюсь достаточно привлекательным.

– Миссис Хитклиф – моя невестка, – сказал Хитклиф, подтверждая мое предположение. Говоря это, он обернулся и по-особенному посмотрел в ее сторону; это был взгляд, полный ненависти. Хотя я могу ошибаться, если допустить, что мускулы на его лице расположены иначе, чем у остальных людей, а выражение его лица не является отображением его внутреннего состояния.

– Ну да, теперь я вижу, что это Вы привилегированный обладатель добродетельной феи, – заметил я, поворачиваясь к своему соседу.

Эта фраза произвела еще худший эффект, чем все предыдущие. Молодой человек стал наливаясь багровым цветом, а его кулаки стали сжиматься. Весь его внешний вид говорил о том, что он планирует нападение. Однако вскоре он взял себя в руки и подавил кипевшие в его душе эмоции, позволив себе грубо выругаться. Он пробормотал себе под нос ругательства в мой адрес, тихо и невнятно; ну а я побеспокоился о том, чтобы на них не прореагировать.

– Не везет Вам с Вашими догадками, сэр, – заметил мой арендодатель, – ни один из нас не имеет привилегии обладать Вашей доброй феей, ее супруг мертв. Я сказал, что она моя невестка, следовательно, она должна быть замужем за моим сыном.

– И этот молодой человек...

– Не мой сын, конечно.

Хитклиф снова ухмыльнулся, как если бы это было дерзкой шуткой, авторство которой принадлежало ему. Слишком смелой шуткой, чтобы приписать ему отцовство над этим медведем.

– Меня зовут Хертон Ирншоу, – прорычал молодой человек. – И я бы советовал Вам относиться к этому уважительно!

– Я не выказывал Вам своего непочтения, – произнес я в ответ, внутренне повеселившись от того, как он сам себя представил лицом благородного происхождения.

Он задержал на мне свой взгляд дольше, чем я на нем свой. Очевидно, что у меня был выбор: вмазать ему между глаз или открыто рассмеяться ему в лицо. Я ощущал себя решительно не на месте в компании этого милого семейства. Мрачная спиритическая атмосфера воцарилась в комнате, поглотив даже ту добродушную ауру, насыщенную теплом и уютом, которая окружала меня. Я твердо решил, что впредь, находясь под этой крышей, буду более осмотрительным, чем раньше.

Трапеза была закончена, во время нее никто не проронил ни слова. Я подошел к окну, чтобы посмотреть, какая на дворе погода, и мне открылось печальное зрелище: все вокруг потемнело раньше времени; и небо, и горы – все смешалось в сплошной свирепой круговерти ураганного ветра и непроглядного снегопада.

– Я не уверен, что смогу теперь добраться домой без провожатого, – не удержался от призыва о помощи. – Дороги наверняка уже завалены снегом, а даже если бы они и оставались видимыми, вряд ли бы я смог сообразить, в каком направлении мне следует двигаться.

– Хертон, заведи наших овец под навес, в сенной амбар. В кошаре они будут защищены всю ночь, и опусти за ними планку, – сказал Хитклиф.

– Что же мне делать? – продолжил я, рискуя вызвать гнев.

Мой вопрос остался без ответа. Оглядевшись по сторонам, я увидел лишь Джозефа, который нес ведро овсяной каши для собак, а миссис Хитклиф склонилась над огнем и развлекала себя сжиганием горсти спичек, которые упали с полки над камином, когда она ставила на место короб с заваркой.

Первое, что сделал Джозеф, когда освободился от своей ноши, так это обвел критическим взглядом комнату, и хрипло проскрипел:

– Я просто поражен, как Вы можете так просто стоять и ничего не делать, когда все вокруг чем-то занято! Но Вы – как тупая скотина, и сколько Вам ни говори, Вы ничего не меняете в своем поведении. Хотя правильнее было бы послать Вас к Дьяволу, вслед за Вашей матерью!

На какое-то мгновение мне показалось, что этот образец красноречия был обращен ко мне, и уже было разозлился и подался в сторону негодея, намереваясь выставить его прочь за двери, но ответ миссис Хитклиф остановил меня.

– Вы возмутительный старый лицемер! – заметила она. – А Вы не боитесь, что Дьявол придет и лично утащит Вас к себе, когда Вы упоминаете его имя? Я предупреждала, чтобы Вы воздерживались от того, чтобы провоцировать меня, а иначе я попрошу Дьявола в качестве личного одолжения забрать Вас к себе! Ну да ладно, посмотрите-ка сюда, Джозеф! – продолжала она, медленно снимая с полки книгу в темном переплете. – Я продемонстрирую Вам, насколько я преуспела в искусстве черной магии. Совсем скоро я буду в состоянии освободить дом от Вашего присутствия. Рыжая корова сдохла не случайно, а Ваш ревматизм с трудом можно принять за кару Божью.

– Колдунья, колдунья! – старик с трудом ловил воздух открытым ртом. – Упаси нас Бог от такого зла!

– Ну уж нет, негодей! Колдун – это Вы! Так подите прочь, или я найду на Вас порчу взаправду! Я вылепила все ваши фигуры из воска и глины, и первого, кто переступит через установленную мной черту, я... Нет, я не скажу, что именно я с ним сделаю, но Вы увидите! Идите, я буду следить за Вами!

Маленькая колдунья навела на свое прелестное личико пелену злобы, и Джозеф, трепеща от непритворного ужаса, поспешил уйти, молясь и восклицая: «Ведьма!», когда переступал через порог комнаты. Я решил, что ее поведение было продиктовано своеобразным черным юмором, и теперь, когда мы остались вдвоем, я постарался привлечь ее внимание к плачевной ситуации, в которой я оказался.

– Миссис Хитклиф, – сказал я серьезным тоном, – извините меня за то, что беспокою Вас. Смеею предположить, что с таким лицом, как у Вас, Вы не сможете отказать мне в чисто-сердечной помощи. Назовите мне хотя бы несколько ориентиров, по которым я смогу отыскать дорогу домой. У меня нет других идей, как туда добраться, точно так же, как Вы не знаете, как смогли бы добраться до Лондона!

– Идите той же дорогой, которой пришли сюда, – ответила она, удобно располагаясь в кресле со свечой и раскрытой книгой в руке. – Это короткий совет, но, как говорится, это все, что я могу Вам сказать.

– В таком случае, когда Вы услышите о том, что я прекратил свое земное существование где-нибудь в болоте или под покровом снега, не шепнет ли Вам Ваша совесть, что в этом отчасти есть и Ваша вина?

– Но как я могу помочь Вам? Я не могу сопровождать Вас. Они не позволят мне дойти даже до конца садовой ограды.

– Вы! Да мне бы прощения не было, если бы я позволил себе для собственного комфорта просить Вас выйти из дома, да еще в такую ночь! – воскликнул я. – Мне просто нужно, чтобы Вы рассказали, как мне найти дорогу домой, не *показывать*, или же убедили мистера Хитклифа дать мне провожатого.

– Кого? Тут есть лишь он сам, Ирншоу, Зилла, Джозеф и я. Кого бы Вы предпочли?

– А на ферме нет мальчиков-помощников?

– Нет, я перечислила всех.

– Ну что ж, из этого следует, что я вынужден остаться здесь на ночь.

– Тогда Вы можете остановиться в нашей комнате для гостей. Но это уже не ко мне.

– Я надеюсь, это послужит для Вас уроком, чтобы больше не совершать опрометчивых прогулок по этим холмам, – сердито прокричал мистер Хитклиф, стоя в кухонном проеме. – Относительно пребывания здесь: я не держу комнат для гостей, поэтому Вам придется разделить ночлег или с Хертонем, или с Джозефом, если Вам такое подходит.

– Я могу заночевать в кресле в этой комнате, – ответил я.

– Нет, нет! Чужак есть чужак, будь он бедным или богатым. Никто не может находиться в *доме* в то время, пока он находится без моего присмотра, – заметил невоспитанный хам.

После такого оскорбления мое терпение лопнуло. Я высказал ему все свое отвращение, не стесняя себя в выражениях, спешно протиснулся мимо него во двор, и натолкнулся на идущего навстречу Ирншоу. Вокруг было так темно, что я никак не мог найти выход, и немного побродив по округе, услышал несколько обрывков фраз, долетевших до меня и передающих манеру общения обитателей дома друг с другом. Сначала молодой человек выказал желание помочь мне.

– Я проведу его через сад, – сказал он.

– Ты проведешь его в преисподнюю! – крикнул его хозяин, или кем он там ему приходился. – А кто будет присматривать за лошадьми, а?

– Человеческая жизнь стоит больше, чем лошади, на один вечер их можно оставить и без присмотра. Так что кто-то должен пойти, – проворчала миссис Хитклиф, причем более любезно, чем я мог предположить.

– Не Вам тут командовать! – парировал Хертон. Если Вы собираетесь хранить о нем память, то лучше Вам об этом помалкивать.

– В таком случае, думаю, его дух будет часто навевать Вас. Я также надеюсь, что мистер Хитклиф никогда не заполучит другого квартиросъемщика, пока Грендж не превратится в руины, – внятно произнесла она.

– Нет, вы только послушайте, она насылает на него проклятие, – еле слышно произнес Джозеф, к которому я подходил.

Я находился так близко к нему, что мог его слышать. Он доил коров при свете фонаря, который я тут же схватил, и звонко сообщив, что отошлю его назад завтра утром, бросился наутек через боковые двери.

– Хозяин, хозяин, он утащил фонарь! – закричал старик, кинувшись вслед за мной. – Эй, Великан, моя собачка! Эй, Волк, ловите его, ловите!

Он отворил небольшую дверцу, и два мохнатых чудовища кинулись на меня, пытаясь дотянуться до моего горла. Они повалили меня на землю; фонарь погас. Совместный хохот мистера Хитклифа и Хертоня стал последней каплей, после которой мое бешенство и чувство унижения достигли апогея.

К моему счастью, собаки были более расположены держать меня на земле, придавив лапами, зевать и вилять хвостами, чем пожирать меня живьем. Тем не менее, они не отпускали меня, и я был вынужден не по собственной воле лежать на земле до тех пор, пока их

злобные самодовольные хозяева не освободили меня. Лишь после этого я, с непокрытой головой, дрожа от возмущения, смог освободиться от злодеев, не отпускавших меня и подвергавших опасности не одну минуту. На протяжении всего этого времени я сыпал бессвязными угрозами о возмездии, до краев наполненных ядом, и которые больше напоминали проклятия короля Лира.

Страстная сила моих слов вызвала у меня обильное кровотечение из носа, при этом Хитклиф продолжал смеяться, а я продолжал браниться.

Не знаю, чем бы закончилось это происшествие, не окажись под боком одного человека, более здравомыслящего, чем я, и более доброжелательного, чем мой противник. Это была Зилла, дородная домработница, которая вышла к нам с решительным намерением выяснить причину беспорядков. Она подумала, что кто-то из них занялся рукоприкладством по отношению ко мне, и, не отваживаясь напасть на своего хозяина, обратила всю мощь своей голосовой артиллерии против более молодого негодяя.

– И что, мистер Ирншоу? – завопила она. – Я интересуюсь, что Вы вытворите в следующий раз? Мы будем убивать людей прямо на нашем пороге? Видно, я никогда не смогу привыкнуть к порядкам в этом доме. Посмотрите: этому парню плохо, он же не может дышать! Ну же, говорите, говорите, что Вам нужно. Вам нельзя оставаться в таком состоянии. Проходите, я Вас вылечу. Успокойтесь, стойте спокойно.

С этими словами она вдруг выплеснула полную кружку ледяной воды мне за шиворот и потянула за собой на кухню. Мистер Хитклиф последовал за нами, его неожиданная веселость прошла, и он стал привычно угрюмым, как и всегда.

Я чувствовал себя чрезвычайно плохо; у меня кружилась голова, я терял сознание, так что волей-неволей вынужден был согласиться остаться на ночь под его крышей. Он сказал Зилле, чтобы та дала мне стакан бренди, и скрылся в глубине дома. Она выполнила распоряжение хозяина и продолжала утешать меня в моем жалком и печальном положении. Таким образом, я отчасти был воскрешен, после чего меня проводили до кровати.

Глава III

Когда мы поднимались по лестнице, Зилла посоветовала мне прикрывать пламя свечи рукой и не шуметь. У ее хозяина было странное отношение к комнате, в которую она меня собиралась отвести; он никогда и никому не разрешал останавливаться в ней по своей доброй воле. Я поинтересовался причиной. Она ее не знала; лишь сказала, что живет в этом доме года полтора, но тут творится столько странного, что она даже не пытается проявлять любопытство.

Слишком уставший, чтобы ясно мыслить и о чем-то расспрашивать, я запер за собой дверь и огляделся в поисках кровати. Вся обстановка комнаты состояла из кресла, большого шкафа с полками для хранения одежды, и огромного дубового ящика с квадратными отверстиями в верхней его части наподобие окон кареты. Приблизившись к этой конструкции, я заглянул внутрь и понял, что это была особая разновидность старинной лежанки, которая легко решала проблему необходимости иметь отдельную комнату для каждого члена семьи. Фактически, это был готовый маленький кабинет с окном и подоконником, который служил еще и в качестве стола. Я проскользнул за обшитую панелями стену, прихватив с собой свечу, и снова соединил панели вместе. Я почувствовал себя в безопасности, будучи полностью защищенным от прозорливой бдительности Хитклифа или кого бы то ни было еще.

На подоконнике, на который я поставил свечу, лежало несколько книг, тронутых плесенью. Они были сложены стопкой в одном из углов; кроме того, с каждой стороны подоконника были сделаны надписи, процарапанные прямо по краске. Эти надписи, однако, не содержали ничего, кроме повторяющихся в разных вариациях слов, составляющих имя: в одном месте Кэтрин Ирншоу, в другом Кэтрин Хитклиф, в третьем Кэтрин Линтон.

Совершенно обессиленный, я прислонился головой к окну, продолжая произносить вслух *Кэтрин Ирншоу – Хитклиф – Линтон*, пока мои глаза не сомкнулись. Однако не прошло и пяти минут, как из темноты начали проступать буквы, мерцающие бледным сиянием, причем настолько четко, насколько четкими могут быть фантомы; и вскоре все пространство вокруг было наполнено одними *Кэтрин*. Очнувшись, я развеял назойливо проступающее имя, и обнаружил, что фитиль моей свечи касается одного из старых томов, а помещение наполнено запахом жженой телячьей кожи. Чувствовал я себя ужасно, от воздействия холода и постоянной тошноты я совсем ослаб. Я сел, очистил книгу от нагара, и раскрыл пострадавший том на своих коленях. Это был Завет в очень простом переплете, от которого исходил ужасный запах плесени. На листе было процарапано до полупрозрачности: *книга Кэтрин Ирншоу*, и дата – около полувека назад. Я закрыл эту книгу и стал брать другие, пока не исследовал их все. Библиотека Кэтрин была подобрана тщательно, а состояние, в котором она находилась, свидетельствовало о том, что книгами активно пользовались, правда, не всегда по прямому назначению. Когда заканчивалась одна глава и начиналась другая, между ними имелось незаполненное наборщиком пространство, которое было покрыто комментариями, сделанными чернильной ручкой. Некоторые из них представляли собой законченные суждения, другие являлись отдельными частями регулярных записей. Написаны они были бесформенными каракулями, словно сделанные неопытной детской рукой. В верхней части дополнительной, не заполненной печатным текстом страницы (вероятно, наиболее ценной, когда ее обнаружили впервые), я, к своему огромному удовольствию, увидел замечательную карикатуру на моего друга Джозефа: грубоватый, но вместе с тем впечатляющий эскиз. Во мне вспыхнул живой интерес к неизвестной мне Кэтрин, и я незамедлительно стал разбираться в ее поблекших каракулях.

«Ужасное воскресение, – так начиналась запись, сделанная в конце печатного абзаца. – Я хочу, чтобы мой отец снова был с нами. Хиндли является его отвратительной заменой. С

Хитклифом он ведет себя просто ужасно. Хитклиф и я, мы собираемся выступить с протестом, и планируем предпринять первый шаг в этом направлении уже сегодня вечером.

Весь день нас заливал дождь. Мы не смогли пойти в церковь, так что Джозеф вынужден был провести собрание паствы на мансарде, в то время как Хиндли и его жена нежились в уютном тепле перед камином на нижнем этаже, занимаясь хоть чем, но только не чтением Библии, могу в этом поклясться. Хитклиф, я и несчастный крестьянский юноша-пахарь, нам было велено взять наши молитвенники и подняться наверх. Мы уселись в ряд на мешках с кукурузой, время от времени издавая стоны и дрожа от холода. Мы надеялись, что Джозеф тоже вскоре продрогнет, и его проповедь будет короткой, в том числе ради его же собственной выгоды. Напрасные мечты! Служба длилась ровно три часа, так что даже мой брат, когда мы спускались вниз, сделал удивленное лицо и воскликнул: «Что, уже закончили?» Раньше воскресные вечера мы проводили за играми; нам разрешали поиграть, если мы не очень шумели. Сейчас достаточно просто засмеяться, чтобы нас отправили в угол.

– Вы забываете, что над вами есть хозяин, – произнес домашний тиран. – Я уничтожу любого, кто первым испортит мне настроение! Я настаиваю на послушании и молчании! Ага, мальчик, так это ты! Дорогая Френсис, оттягай его за волосы, когда соберешься вставать; я слышал, как он щелкнул пальцами. Френсис оттягала его за волосы с большой охотой, а потом пошла и уселась за стол на колени к своему мужу. Они так и сидели, словно дети, целовались и проводили время за пустой болтовней, от которой нам становилось стыдно. Мы создали для себя немного комфорта под аркой туалетного столика, насколько это позволяли наши возможности. Я просто связала вместе свои передники и повесила их как занавеску. Но тут пришел Джозеф (он вернулся из конюшни), сдернул мою работу, влепил мне оплеуху и грозно прохрипел:

– Хозяина еще не успели похоронить, священный день отдыха еще не закончен, и еще звучат в ушах слова Евангелия. Вас вообще не должно быть видно. Позор вам! Здесь достаточно хороших книг, которые вам стоит прочитать. Сядьте, скверные дети! И подумайте о своих душах!

Говоря это, он вынудил нас занять такое место, чтобы до нас доходил лишь рассеянный свет от отдаленного очага, очень скудного для того, чтобы мы могли различать текст, напечатанный в той дряни, которую он всунул нам в руки. Я не могла вынести такого занятия. Я подхватила совком свою потрепанную книгу и швырнула ее туда, где ютились собаки, давая обет ненавидеть хорошие книги. Хитклиф швырнул свою туда же. А потом здесь начался такой галдеж!

– Господин Хиндли! – кричал наш священник. – Господин, идите сюда! Мисс Кэтти оторвала заднюю обложку от «Шлема спасения», а Хитклиф в припадке гнева встал ногой на первую часть «Пути к краху». Он двигается дорогой, которая его явно погубит. Прежний хозяин хорошенько бы всыпал им по первое число, но его уже нет с нами.

Хиндли спешно покинул свой райский уголок возле камина, схватил одного из нас за шиворот, второго за рукав, и вытолкнул обоих на задворки кухни, где Джозеф уверял, что придет старый Николай и заберет нас, причем это так же верно, как и то, что сейчас мы живы. После того, как он утешил нас таким образом, мы разошлись по своим углам ожидать пришествия Николая. Я схватила эту книгу и банку чернил с полки, приоткрыла дверь в кухню, чтобы было больше света, и теперь у меня есть немного времени, минут двадцать, чтобы сделать свои записи. Однако мой компаньон слишком нетерпелив, потому полагаю, что он стащит у молочницы плащ и сбежит на вересковую пустошь, чтобы укрыться там. А после, если угрюмый старик придет забрать нас, Джозеф сможет убедиться, что его пророчество исполнилось. Милая шутка: там, под дождем, нам будет не холоднее, и мы будем защищены не менее, чем здесь».

* * *

Полагаю, что Кэтрин замечательно претворила в жизнь свой план. Для ознакомления со следующей записью я выбрал такую тему: *Она умывается слезами*.

«Меньше всего я думала о том, что Хиндли когда-нибудь заставит меня так плакать! – писала она. – Моя головная боль на протяжении всего времени, как только подниму свою голову с подушки, и до тех пор, пока не коснусь ее снова, – это бедный Хитклиф! Хиндли называет его бездельником и не разрешает садиться ему вместе с нами; ни есть с нами, ни чего-либо еще. Он также сказал, что он и я не должны играть вместе, и пригрозил выставить его за двери дома, если мы нарушим его распоряжение. Он обвинил нашего отца (как он посмел!?) в чересчур мягком обращении с ним, и поклялся, что укажет ему на его место».

* * *

Я начал сонно клевать носом над тускло освещенной страницей; мой взгляд блуждал между рукописью и печатным текстом. Я увидел украшенное красным орнаментом название: «Семьдесят раз по семь и первый раз из семьдесят первого. Благочестивый трактат, произнесенный его Преподобием Джобсом Брандерхамом в часовне на Джиммертонских прудах». И в то время, пока я был в полусне, а мой мозг пытался разгадать, чем озаботит своих подданных Джобс Брандерхам, я откинулся на кровать и провалился в сон. Увы! Вот что значит плохой чай и скверное настроение! А иначе что могло стать причиной того, что мне пришлось пережить такую ужасную ночь!? Я не могу припомнить ни одной другой такой ночи, которую я мог бы сравнить с этой, с тех самых пор, как научился переживать страдания.

Я погрузился в сон прежде, чем перестал понимать, где именно я нахожусь. Мне казалось, что было уже утро, и я возвращаюсь к себе домой в сопровождении Джозефа. Весь наш путь пролегал по глубокому покрову снега, так что пробирались мы с трудом. Мой спутник утомил меня постоянными упреками о том, что я не позаботился о посохе странника, рассказывая мне, что без него я никогда не смогу добраться до дома. При этом хвастливо размахивал дубиной с тяжелым набалдашником, которая, как я понял, и была посохом. На мгновение я осознал весь абсурд того, что мне необходимо владеть таким средством защиты, чтобы быть уверенным в том, что смогу попасть в свой собственный дом. Затем меня пронзила следующая мысль: я иду не домой, а мы совершаем путешествие для того, чтобы ознакомиться с выдающейся проповедью Джобса Брандерхама, судя из текста, «Семьдесят раз по семь». Кроме того, ни проповедник Джозеф, ни я, не были приверженцами «Первого из семьдесят первого», а потому были публично разоблачены и отлучены от церкви.

Мы подошли к часовне. Я на самом деле проходил мимо нее пару раз во время моих пеших прогулок. Она расположена в ложбине между двумя холмами на приподнятом плато рядом с болотом, чья торфяная сырость является ответом на все вопросы по поводу бальзамирования того небольшого количества усопших, которые покоятся там.

Крыша часовни сохранилась невредимой и донныне, но так как жалование церковнослужителя составляет лишь двадцать фунтов стерлингов в год, а здание с двумя комнатами может в один момент превратиться в здание с одной, то ни один из церковнослужителей не берется за выполнение тут пастырских обязанностей. Кроме того, как здесь поговаривают, его паства скорее оставит его голодным, чем улучшит условия его проживания хоть на один пенни из своего собственного кармана. Как бы там ни было, а в моем сне Джобс проповедовал в часовне, полностью заполненной внимающими его словам прихожанами. Милостивый Бог! Что это была за проповедь! Она была разделена на четыреста девяносто частей, каждая

из которых была равноценна обычному выступлению с кафедры, и в каждой обсуждался отдельный грех! Где он их разыскал, я сказать не могу. У него была своя, особая манера интерпретировать фразы, и складывалось впечатление, что каждый христианин неизбежно должен совершить какой-либо необычный проступок в каждом отдельном случае. Они были самого разного свойства, странные проступки, которые я раньше и представить себе не мог.

О, как я тогда устал! Как я мучился, и зевал, и воскресался вновь! Как я щипал и терзал самого себя! Как я тер свои глаза, и вставал, и вновь садился, и слегка толкал локтем Джозефа, чтобы тот дал мне знать, когда проповедник наконец устанет и замолкнет. Я был обречен выслушивать все. В конце концов, он добрался до «Первого из семьдесят первого». В этот переломный момент внезапное вдохновение снизошло на меня, и я воодушевился на то, чтобы встать и разоблачить Джобса Брандерхама как грешника из грешников, которого ни один христианин не должен простить.

– Сер! – крикнул я. – Сидя здесь, в этом едином пространстве, заключенном в этих четырех стенах, я выдержал и простил Вам четыреста девяносто глав Вашей речи. Семьдесят раз по семь я хватал свою шляпу и собирался уже уходить. Семьдесят раз по семь Вы вынуждали меня возвращаться на свое место. Но четыреста девяносто первый раз – это уже слишком. Собратья-мученики, хватайте его! Тащите его вниз, разбирайте его на атомы, чтобы там, где он известен, узнали, что его больше нет!

– А ты искусный мастер! – вскричал Джобс после значительной паузы, откидываясь на свои подушки. – Семьдесят раз по семь ты искажал свое лицо зевотой, семьдесят раз по семь я обращался к своей совести, говоря: «Это человеческая слабость, ее можно простить». И вот настал первый из семьдесят первого. Братья, вершите над ним заслуженную кару! Такой чести достойны все Его праведники!

Стоило прозвучать заключительным словам, как все собрание подняло свои посохи странников, окружило меня своими телами, и я, не имея оружия для самозащиты, сошелся в схватке с Джозефом, ближайшим ко мне и самым жестоким противником. Огромная толпа народа сошлась в одном месте; некоторые из них скрестили свои посохи; удары, предназначенные мне, посыпались на головы других. Вскоре вся часовня огласилась стуком посохов, как тех, кто нападал, так и тех, кто защищался. Каждая человеческая рука поднялась против своего соседа. А Брандерхам, не желая бездействовать, выказывал свое усердие через поток громких постукиваний об край кафедры, которые отдавались так гулко, что я, наконец, к своему несказанному облегчению, пробудился. Что же это было, что навеяло такое ужасное душевное смятение? Чем обусловлено участие Джобса в приснившейся мне неразберихе? Это была лишь ветка ели, которая раскачивалась за моим окном, и при резких порывах завывающего ветра грохотала по стеклу сухими шишками. Я нерешительно прислушивался еще некоторое время, после того как обнаружил возмутителя спокойствия, а потом повернулся и задремал, снова погрузившись в грезы, еще более неприятные, чем прежде, если такое вообще возможно.

На этот раз я помнил, что лежу в дубовой клетушке, отчетливо слышу порывы ветра и стук от сильного снегопада. Я также слышал, как еловые ветки многократно повторяли создаваемые ими звуки, но теперь я уже знал настоящую причину их появления. Однако это раздражало меня так сильно, что я решил прекратить этот шум, если это будет возможно. Думаю, я даже слегка раскраснелся, пытаюсь отодвинуть засов на оконных створках.

Засов был запаян между скобами: я видел это, когда проснулся, но забыл. Несмотря ни на что, я должен был остановить это! Я бормотал это, стуча костяшками пальцев по стеклу, и просовывая руку наружу сквозь выбитое отверстие в стекле, чтобы схватить надокучливую ветку. Но вместо нее мои пальцы сжали маленькие пальчики холодной, словно лед, руки. Невероятный ужас от такого кошмара овладел мной. Я попытался втянуть назад свою руку, но пальцы вцепились в мою ладонь, а полный тоски голос рыдал:

– Впустите меня! Впустите меня!

– Кто Вы? – осведомился я, тем временем отбиваясь, пытаюсь освободиться.

– Кэтрин Линтон, – ответил дрожащий голос.

Почему я подумал именно о Линтон? Я читал *Ирншоу* раз двадцать на каждое *Линтон*.

– Я вернулась домой, я сбилась с пути на вересковой пустоши.

Пока она говорила, я смутно разглядел детское лицо, смотревшее на меня сквозь стекло. Ужас сделал меня жестоким, и обнаружив, что моя попытка стряхнуть с себя руку живого существа потерпела фиаско, я потянул ее за запястье сквозь разбитое оконное стекло и стал тереть его вперед и назад до тех пор, пока не потекла кровь и не залила постельное белье. Тем не менее, она продолжала причитать: «Впустите меня!», и продолжала цепко держаться за меня, едва не сводя меня с ума от страха.

– Как же я это сделаю? – спросил я, держась на расстоянии. – Отпустите *меня*, если Вы хотите, чтобы я впустил Вас!

Пальцы ослабли, я вырвал свою руку и втянул ее назад через отверстие в разбитом стекле, и наспех завалил его книжной стопкой, сложенной в виде пирамиды. Так я отгородился от нее, и закрыл свои уши, чтобы не слышать жалостливой мольбы. Мне казалось, что я держал их закрытыми более четверти часа. Однако в какой-то момент я услышал ее снова. К словам добавился печальный плач со стонами.

– Прочь! – закричал я. – Я никогда не впущу Вас, даже если Вы станете умолять меня хоть двадцать лет!

– Двадцать лет! – горевал голос. – Я была бездомной двадцать лет.

В это время снаружи послышалось слабое царапанье, и куча книг сдвинулась так, будто ее кто-то толкал снаружи. Я попробовал приподняться, но не мог пошевелить даже пальцем, и пронзительно, неистово закричал, обезумев от ужаса. К моему стыду, я обнаружил, что мой крик был не воображаемым, а реальным. Торопливые шаги приближались к дверям моей комнаты, кто-то сильной рукой нажимал на них, чтобы открыть, а свет тускло светил через квадратные отверстия вверху кровати. Я сел, и стал вытирать пот со своего лба. Появившийся самозванец заколебался и невнятно обратился ко мне:

– В конце концов, – сказал он вполголоса, искренне надеясь, что ответа не последует, – здесь есть кто-нибудь?

Я подумал, что будет лучше, если я сознаюсь в своем присутствии, поскольку мне была известна характерная особенность Хитклифа, и опасался, что он может начать все обыскивать, если я буду хранить молчание. С таким намерением я повернулся и раздвинул панели. Я не скоро забуду тот эффект, который произвело мое действие.

Хитклиф стоял у входа в штанах и рубаше, со свечой, которая капала ему на пальцы, и лицом, белым, словно стена позади него. Первые же звуки скрипнувшей дубовой двери поразили его словно удар тока. Огонь в его руке сильно затрепетал, свеча выпала из его руки, и упала на расстоянии нескольких шагов от него. Его волнение было настолько сильным, что он едва мог его сдерживать.

– Это всего лишь Ваш жилец, сер, – отозвался я, желая в дальнейшем освободить его от унижения, вызванного таким проявлением малодушия. – Я имел несчастье кричать во сне. Должно быть, мне приснился страшный сон. Прошу прощения, что потревожил Вас.

– Черт Вас попутал, мистер Локвуд! Да идите Вы... – начал мой хозяин пристанища, устанавливая свечу на стуле, ибо понимал, что не сможет держать ее ровно. – А кто привел Вас в эту комнату? – продолжил он, впившись ногтями в ладонь, и скрежеща зубами, сдерживая челюстные конвульсии. – Кто это был? У меня есть прекрасная мысль: вышвырнуть его вон из дома, немедленно!

– Это была Ваша служанка Зилла, – ответил я, вскакивая с кровати, и быстро приводя в порядок свою одежду. – Я не стану переживать, если Вы так и поступите, мистер Хитклиф.

Она вполне заслуживает этого. Полагаю, она хотела лишний раз удостовериться (на этот раз за счет меня) в том, что это место заселено призраками. Ну что ж, так оно и есть: здесь все кишит привидениями и домовыми. У вас есть все основания держать эту комнату запертой, уверяю Вас! Никто не скажет Вам спасибо, оставшись на ночлег в этом логове.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался Хитклиф. – И что это Вы делаете? Ложитесь как лежали до окончания ночлега, раз уж Вы тут. Но ради Бога! Не кричите снова так жутко. Ничто не может оправдать такого крика, разве что Вам будут перерезать горло!

– Если бы маленькая дьяволица пролезла в окно, она бы, вероятно, задушила меня! – сказал я в ответ. – Я не намерен и далее терпеть преследования Ваших гостеприимных предков. Не является ли преподобный Джобс Брандерхам Вашим родственником со стороны матери? А эта дерзкая девчонка, Кэтрин Линтон, или Ирншоу, или как там ее звали, она, должно быть, подкидыш с испорченной маленькой душой, оставленный эльфами взамен кого-то, украденного ими. Она рассказала мне, что скиталась по земле в течение двадцати лет, просто какое-то наказание за ее смертный грех. Я в этом не сомневаюсь!

Едва я произнес эти слова, как в моей голове всплыла связь между *Хитклиф* и именем *Кэтрин* в книге, которая уже было полностью ускользнула из моей памяти до того момента, пока снова не возникла таким странным образом. Я раскраснелся от такой невнимательности, но не подал виду, что понял, что провинился. Я поспешил добавить:

– На самом деле, сэр, я провел первую половину ночи... – в этом месте я опять замолчал. Я был близок к тому, чтобы сказать «внимательно изучая старые книги», но тогда бы это выдало, что мне известно все их содержимое, и того, что написано от руки, и того, что напечатано. Тогда, исправляя самого себя, я продолжил словами «вчитываясь в имена, нацарапанные на оконной раме. Монотонное занятие, преднамеренно введшее меня в сонное состояние, наподобие счета или...»

– Как Вы *можете* рассказывать мне о своем занятии? – прогремел Хитклиф с дикой горячностью. – Как, как *смеете* Вы, в моем доме!? Господи, да он просто сумасшедший, раз говорит мне такое! – и он в ярости ударил себя по лбу.

Я не знал, стоило ли мне обижаться на такую манеру речи, или продолжать свои пояснения, но мне показалось, что он был настолько глубоко потрясен, что я почувствовал к нему сострадание, и продолжил делиться своими сновидениями. Я утверждал, что никогда раньше не слышал имени Кэтрин Линтон, но, прочитав его несколько раз, оно произвело на меня такое впечатление, что воплотилось в виде образа, когда я уже не мог контролировать свое воображение. Хитклиф, по мере того, как я говорил, постепенно отступал назад, за кровать, так что, в конце концов, практически скрылся за ней. Однако, судя по его неровному и прерывистому дыханию, я мог предположить, что он изо всех сил старается подавить бьющее через край сильнейшее волнение.

Не желая показывать ему, что я догадываюсь о его внутренних терзаниях, я продолжал шумно приводить себя в порядок, посматривать на свои часы, и разговаривать с самим собой о том, как долго тянется ночь: «Еще нет и трех часов! Я мог бы поклясться, что уже шесть! Время здесь словно стоит на месте, а ведь мы, безо всякого сомнения, разошлись отдыхать в восемь!»

– Вообще-то зимой мы ложимся в девять, а поднимаемся в четыре, – сказал мой хозяин, подавляя тяжелый вздох, и, как мне показалось, сопровождая свой ответ в полумраке характерным жестом руки, смахивающим с глаз слезу. – Мистер Локвуд, – добавил он, – Вы можете пройти в мою комнату. Спустившись по лестнице сейчас, Вы будете единственным, кто начал новый день настолько рано, а Ваш неподобающий крик отправил мой сон ко всем чертям.

– И мой сон тоже, – ответил я. – Я прогуляюсь по двору, пока не настанет рассвет, а потом уйду; Вам не следует бояться моего очередного вторжения. Я теперь совершенно

излечился от поиска удовольствий в обществе, будь то деревня или город. Здравомыслящий человек должен находить себе партнера в самом себе.

– Замечательная компания! – пробормотал Хитклиф. – Берите свечу и ступайте куда Вам заблагорассудится. Я присоединюсь к Вам в ближайшее время. В сад не выходите: собаки спущены с цепи; дом находится под охраной Джуны, так что Вы сможете побродить лишь по лестницам и коридорам. Ну, идите уже. Я буду через пару минут.

Я повиновался, но лишь отчасти: я вышел из комнаты и остановился, не зная, куда меня выведет узкий коридор, и стал невольным свидетелем проявления определенного суеверия моего хозяина, в здравомыслии которого, я, как ни странно, не сомневался. Он пробрался к кровати и резко распахнул оконную раму, которая затрещала под его напором. Его просто разрывало от неконтролируемого душевного волнения.

– Приди! Приди! – рыдал он. – Кэтти, приди. Ну пожалуйста, хотя б разочек! Моя милая, моя дорогая! Услышь меня, наконец, Кэтрин, хоть сейчас! – Призрак продемонстрировал обыкновенное для всех привидений непостоянство: не подал никакого знака, только снег и ветер закружились вихрем, пронеслись через всю комнату, долетели до места, где я стоял, и загасили мою свечу.

Было столько боли в потоке горя, которое сопровождало это неистовство, что мое сострадание заставило меня оставить без вмешательства это безумие. Я удалился прочь, отчасти раздосадованный тем, что мне пришлось услышать все это, а отчасти мучаясь оттого, что я имел отношение к этому нелепому ночному кошмару, вызвавшим эти страдания, хотя *почему* – этого я не понимал. Я осторожно спустился на нижний этаж дома и остановился на задворках кухни, где в камине мерцали угли. Я сгреб их вместе и зажег от них свою свечу. Ничто не ворошилось, не волновалось, за исключением серого полосатого кота, который прокрался из-за золы, и приветствовал меня своим недовольным мяуканьем.

Две скамьи, в разрезе имеющие форму круга, словно опоясывали камин; на одной из них растянулся я, на другой расположился старый кот. Мы оба пребывали в дреме до тех пор, пока некто не вторгся в наше пристанище. В данном случае это был Джозеф, который шаркающими шагами спустился вниз по приставной лестнице, ведущей через люк куда-то под крышу, полагаю, что на мансарду. Он кинул злобный взгляд на небольшой огонь, так прельстивший меня и согревающий мои ребра, согнал кота с его места, и занял освободившуюся лавку. Он тут же взялся за дело, и для начала стал набивать табаком трехдюймовую курительную трубку. Мое присутствие в его святая святых было расценено им, очевидно, как величайшая дерзость, замечать которую он счел для себя постыдным делом. Он молча поднес трубку к своим губам, скрестил руки и стал выпускать клубы дыма. Я дал ему возможность в полной мере насладиться своим недовольством, и после того, как он выпустил последний завиток дыма и сделал последнюю затяжку, он встал и удалился так же торжественно, как и пришел.

Следующими послышались более упругие шаги. Я уже было раскрыл свой рот для «доброе утра», как тут же закрыл его, так и не поздоровавшись. Для Хертон Ирншоу исполнение им вполголоса утренней молитвы скорее напоминало проклятия, которые он посылал всему, чего касался; пока он разыскивал в углу совок или лопату, чтобы разгрести ими сугробы. Он краем глаза заглядывал за скамейки, раздувая свои ноздри, и меньше всего думая об обмене любезностями как со мной, так и с моим приятелем котом. Судя по его приготовлениям, я предположил, что проход был свободен. Покинув свое жесткое ложе, я своим движением дал знать, что готов следовать за ним. Он заметил это, и толкнул концом своей лопаты внутреннюю дверь, намекая при этом с помощью нечленораздельных звуков, куда я могу идти, если уж решил изменить свое месторасположение.

Двери, ведущие в дом, отворились; женщины были уже на ногах. Зилла пыталась раздуть в очаге огонь, накидав туда опилок, и орудя огромными воздуходушными мехами, а

миссис Хитклиф, присев на корточки подле очага, читала книгу при свете пламени. Одну руку она выставила между топкой очага и своими глазами, и казалось, была всецело поглощена своим занятием, отвлекаясь лишь на то, чтобы побранить прислугу, обсыпавшую ее искрами пламени, или оттолкнуть прочь собаку, которая время от времени бесцеремонно тыкалась своим носом ей в лицо. Я удивился, увидев Хитклифа здесь же. Он стоял у очага, спиной ко мне, только что завершив бурную сцену с бедной Зиллой, которая то и дело прерывала свою работу, чтобы поднести край передника к своим глазам, выдавая при этом протяжный стон.

– А Вы, Вы ни на что не годны, – разорвался он, поворачиваясь к невестке и выходя из себя в тот момент, когда я входил. Он употреблял разные эпитеты, самыми безобидными из которых были *утка* или *овца*, но в основном, представленные прочерками. – Надо же, Вы опять вернулись к своему праздному безделью! В то время как другие зарабатывают на хлеб, Вы отдыхаете и живете за счет моей милости! Отложите прочь свою гадость, и найдите для себя занятие! Вы должны мне еще и доплачивать, за то, что доставляете мне беспокойство, попадаясь мне на глаза. Вы слышите, мерзкая негодница!?

– Я отложу свою гадость прочь, потому что если я откажусь, Вы можете сделать со мной все что угодно, – ответила молодая леди, закрывая свою книгу и кидая ее в кресло. – Но я не стану делать ничего, кроме того, что сама захочу, хоть бы Вы и дальше изрыгали ругательства своим мерзким языком.

Хитклиф замаяхнулся, и молодая женщина отскочила на безопасное расстояние. Очевидно, ей была знакома тяжесть этой руки. Не желая наблюдать за игрой в кошки-мышки, я энергично выступил вперед, делая вид, что более всего мечтаю в уютной обстановке погреться у очага. Демонстрируя абсолютное простодушие и неведение, я положил конец разногласию. У каждого хватило такта, чтобы приостановить дальнейшие военные действия. Хитклиф засунул свои кулаки в карманы, очевидно избегая искушения пустить их в ход, а миссис Хитклиф скривила губы и отсела подальше от этого места, храня данное ею обещание, и изображая из себя изваяние в течение того недолгого промежутка времени, пока я там находился. Я отказался завтракать с ними, и при первых проблесках зари воспользовался удобным случаем, чтобы выйти на свежий воздух, пока еще чистый и неподвижный, и холодный, словно невидимый лед.

Мой хозяин окликнул меня прежде, чем я успел дойти до конца сада, и предложил сопроводить меня через болото. Это было хорошее предложение с его стороны, ибо вся обратная сторона холма представляла собой один вздымающийся белый океан. Выпуклости и впадины, имеющиеся на нем, не соответствовали выпуклостям и впадинам на почве, а целые ряды возвышенностей, которые были нагромождением отходов из каменоломен, и вовсе были стерты с карты местности, которая запечатлелась в моей памяти со времени моей вчерашней прогулки. Я тогда заметил с одной стороны дороги ряд вертикальных каменных столбиков, расположенных на расстоянии шести-семи ярдов друг от друга, которые тянулись на протяжении всей дороги. Их установили и покрасили известью, чтобы они служили в роли указателей в темное время суток, а также когда могли образовываться сугробы, наподобие теперешних, и сбивать с толку относительно глубины болота по обе стороны от проложенного пути. Однако, за исключением грязноватых точек в снегу над ними, виднеющихся то тут, то там, теперь все следы их существования были стерты. И мой спутник не раз считал необходимым предупредить меня, направляя меня то направо, то налево, в то время как я думал, что четко следую всем поворотам дороги.

Мы обменялись парой реплик, и он остановился у входа в парк Трашкросс. Он сказал, что здесь я уже точно не сойду с пути. Наше прощание ограничилось торопливыми поклонами, и я двинулся дальше, полагаясь полностью на себя. У ворот находилась сторожка, однако в ней никто не было. Расстояние от ворот до амбара составляет мили две. Однако

я думаю, что преодолел все четыре, потому что умудрялся то заплутать среди деревьев, то провалиться в снег аж по шею. Понять меня в состоянии лишь тот, у кого есть подобный опыт. Как бы кто ни оценивал мои блуждания, но когда я уже входил в дом, часы пробили двенадцать. Это значит, что на каждую милю пути из Грозового Перевала у меня ушел ровно час.

Моя домашняя прислуга и их помощники, все кинулись встречать меня, крича и шумя; их внимание всецело было приковано ко мне. Каждый из них полагал, что я погиб минувшим вечером, и были озабочены тем, каким образом они должны будут организовать поиски моих останков. Я заявил им, что теперь, когда они убедились в том, что я уже вернулся, они могут быть спокойны. Я заоченел так, что казалось, заледенела даже моя душа, поэтому первым делом я поднялся по лестнице наверх, переоблачился в сухую одежду, а уже позже расхаживал по комнате туда-сюда минут тридцать-сорок, чтобы восстановить природное тепло. Я прошел в свой кабинет, и был слаб, как котенок, чтобы быть еще в состоянии насладиться пылающим огнем и ароматом дымящегося кофе, который служанка приготовила мне для восстановления сил.

Глава IV

Как непостоянен и полон самомнения человек! Вот я, который решил держаться подальше от всех контактов с обществом. Я благодарил судьбу за то, что неожиданно для себя нашел место, где такое общение было более чем невозможным. И что же? Несчастный, слабовольный человек, я боролся с темными духами и одиночеством ровно до наступления сумерек, после чего был вынужден сложить свои знамена. Под притворством получения информации относительно нужд своего хозяйства, я обратился к миссис Дин, чтобы она посидела со мной, пока я не съем ужин, принесенный для меня. Я очень надеялся, что она окажется той еще сплетницей, и тогда она либо пробудит во мне душевный подъем, либо усыпит меня своей болтовней.

– Вы прожили здесь довольно долго, – начал я. – Кажется, Вы говорили, что шестнадцать лет?

– Восемнадцать, сер. Я пришла сюда, чтобы прислуживать молодой хозяйке, когда та вышла замуж. Когда же она умерла, хозяин предложил мне остаться в доме в качестве домоправительницы.

– В самом деле?!

Наступила пауза. Я опасался, что миссис Дин интересуют исключительно разговоры, касающиеся ее собственных дел, но которые вряд ли заинтересуют меня. Она задумалась, сложив руки на коленях, и облако раздумий сгустилось над ее румяным лицом. Через некоторое время она воскликнула:

– Ах, жизнь так переменилась с тех пор!

– Да, – заметил я. – Полагаю, Вы повидали немало перемен.

– И перемен, да и бед тоже, – ответила она.

«О, как бы я хотел обернуть этот разговор на обсуждение семьи моего хозяина, – рассуждал я сам с собой. – И тема подходящая, чтобы завести такую беседу. А эта прелестная молодая вдова? Я бы с удовольствием выслушал ее историю: была ли она из местных, или, что более вероятно, это некое экзотическое существо, какая-нибудь угрюмая туземка, которую не пожелали признавать за родственницу». Намереваясь выяснить интересующие меня вопросы, я спросил у миссис Дин, почему мистер Хитклиф сдает внаем Трашкросс Грендж и предпочитает проживать в таком месте и в таких условиях, которые намного хуже этих.

– Разве он не достаточно богат, чтобы содержать имение в хорошем состоянии? – принялся я наводить справки.

– Богат, сер?! – ответила она. – Да он как никто другой знает, что такое деньги. И с каждым годом их становится все больше. – Да-да, сер, он достаточно богат, чтобы проживать в доме намного лучше, чем теперешний. Однако он очень не любит расставаться с деньгами, и если у него и было намерение переселиться в Трашкросс Грендж, то как только он прослышал о выгодном арендаторе, так не смог упустить шанс заполучить несколько лишних сотен. Удивительно, как люди могут быть такими алчными, когда они одни-одинешеньки на всем белом свете!

– У него был сын, кажется?

– Да, был один, но он умер.

– А эта молодая леди, миссис Хитклиф, она вдова его сына?

– Да.

– Откуда она взялась в этих краях?

– Отчего же взялась, она дочь моего умершего хозяина. Кэтрин Линтон – вот ее девичье имя. Я вынырнула ее, бедняжку! Я уже просила мистера Хитклифа, чтобы он переселил ее сюда, и тогда мы сможем опять быть вместе.

– Как! Кэтрин Линтон!? – вскричал я, пораженный. Но минутное осознание убедило меня в том, что это была не моя призрачная Кэтрин.

– Значит, – продолжил я, – имя моего предшественника, жившего в этом доме, было Линтон?

– Да, именно так.

– А кто этот Ирншоу, Хертон Ирншоу, который живет с мистером Хитклифом? Между ними есть какая-то связь?

– Нет, он племянник покойной миссис Линтон.

– В таком случае, он двоюродный брат молодой леди?

– Да, и ее муж тоже был ее двоюродным братом, один со стороны матери, другой со стороны отца. Хитклиф женился на сестре мистера Линтона.

– Я видел надпись «Ирншоу» над входными дверями в Грозовом Перевале. Это какой-то старинный род?

– Очень старинный, сер, и Хертон – последний в этом роду. Так же, как наша миссис Кэтти – в нашем, я имею в виду род Линтонов. Вы были на Грозовом Перевале? Я прошу прощения за то, что расспрашиваю, но я очень хочу услышать, как она там?

– Миссис Хитклиф? Она выглядела очень хорошо, к тому же она просто прелестна. Тем не менее, думаю, что она не очень счастлива.

– Дорогой мой, я в этом и не сомневалась! А как Вам понравился хозяин?

– Правду сказать, грубый человек, миссис Дин. Разве не таков его нрав?

– Грубый, как края пилы, и твердый, как кремень! Меньше с ним связывайтесь, и будет лучше для Вас же.

– Должно быть, в его жизни случались резкие подъемы и падения, раз он превратился в такого грубияна. Вы что-нибудь знаете о его прошлом?

– Он ненормальный, сэр, мне известно об этом все. За исключением того, где он родился и кто были его родители, и как он получил свой первый капитал. А Хертон был изгнан из дому еще неоперившимся птенцом. Горемычный парень! Он единственный во всей округе, кто даже не догадывается, как жестоко был обманут!

– Послушайте, миссис Дин, это было бы так милосердно, если бы Вы рассказали мне что-нибудь о Ваших соседях. Я чувствую, что не смогу успокоиться, если прямо сейчас улягусь в постель, а так нам будет вполне достаточно посидеть и поболтать с часок.

– Ну конечно, сер! Я только пойду и возьму себе небольшую швейную работу, а затем я посижу с Вами так долго, как Вы пожелаете. Однако Вы подхватили простуду: я вижу, как Вы дрожите; Вам необходимо поесть немного овсяной каши, чтобы справиться с недугом.

Достопочтенная женщина засуетилась и вышла, а я подвинулся поближе к огню. Я чувствовал, что моя голова была горячей, а тело колотило от озноба. Кроме того, я был чрезвычайно взволнован, практически в шаге от безрассудства, а все благодаря напряженному состоянию нервов и ума. Не могу сказать, что я чувствовал себя некомфортно. Правильнее сказать, я был напуган (этот страх не прошел до сих пор) нешуточным эффектом, который произвели события, произошедшие вчера и сегодня. Миссис Дин вскоре возвратилась, принеся с собой миску дымящейся каши и корзинку с работой. Поставив кашу на плитку, она расположилась на своем сидении, явно довольная тем, что нашла меня вполне общительным человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.